

ВИДЕНИЯ В ТРЁХ ПОВЕСТЯХ ОБ ОСАДАХ

Н. В. Трофимова

Жанр видения – один из самых древних и распространённых в древнерусской литературе, функционировавший внутри первичных и объединяющих жанров и самостоятельно. Фундаментальные исследования жанра представлены трудами Н. И. Прокофьева¹. В частности, на материале многих самостоятельных произведений жанра эпохи Смуты он выделил пять основных компонентов видений: «1) молитва или раздумье видящего, после чего он обычно впадает в «тонок сон»; 2) появление чудесных сил, которые, сообщая видящему «откровение», разрешают какой-либо вопрос и призывают к действию; 3) испуг видящего; 4) смысл «откровения»; 5) приказание о проповеди среди народа «откровения»². Исследователь также указал на «преобладание зрительной и слуховой поэтической манеры в раскрытии образов»³. В последние десятилетия к осмыслению особенностей жанра обращалась Е. К. Ромодановская, привлёкшая материал сибирских видений XVII–XVIII вв., что позволило ей проверить и дополнить выводы, сделанные Н. И. Прокофьевым⁴.

В данной работе прослежены особенности этого жанра внутри трёх воинских повествований XVI–XVII вв., сходных по тематике: «Казанской истории», «Сказании об осаде Троице-Сергиева монастыря» Авраамия Палицына и «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков».

Жанр видений редко появлялся в воинском повествовании до начала XV в. Первым произведением, в котором видения введены в военные сюжеты, было «Сказание о Мамаевом побоище», в котором появилось видение Фоме Кацибею Бориса и Глеба. Оно, видимо, связано по происхождению с видением тех же святых воину Александра Ярославича Пелугию перед Невской битвой в «Повести о житии Александра Невского». И в том, и в другом случае видение дано обычным людям – один из них недавно крещённый, живущий богоугодно воин, другой – разбойник, поставленный в ночную стражу за его мужество, которому видение явлено «для уверения». Являются обоим Борис и Глеб, в первом случае говорящие о том, что они идут на помощь Александру, во втором случае «изсекающие» врагов. В житийном памятнике святые названы по именам, из внешних их примет указано, что они «въ одеждахъ чръвленихъ, и бѣста руки дръжаща на рамѣхъ» (430)⁵. Появляются персонажи в обоих памятниках на фоне природных явлений. В житии сказано: «И яко же нача възходити солнце, слыша шумъ страшень по морю». До появления свя-

тых в «Сказании» упомянуто, что Фоме, стоявшему на высоком месте, было дано «видѣти облакъ от вѣстока великъ зѣло изрядно приа, аки нѣ-какиа плѣки, к западу идуць» (40-41). Затем сообщается, что «От полу-денныя же страны приидоша два юноши, имуща на себѣ свѣтлыи багря-ница, лица их сияюща, аки солнце, въ обоихъ рукахъ у них острые мечи»⁶. Только из последующей молитвы Дмитрия Ивановича становится ясно, что это Борис и Глеб. Как видим, живописный элемент в «Сказании» более развит, что особенно заметно в изображении святых, в котором чётко определяется мотив света, характерный и для дальнейших видений.

Не вполне реализована композиционная форма жанра: нет сообщения о молитве тайнозрителей перед видениями и их «тонком сне», обоим видения явлены как бы наяву; упоминание о «трепете» тайнозрителя есть только в первом случае, разъяснения смысла откровения нет ни в том, ни в другом. В обоих текстах князь приказывает скрыть видения от всех, а не проповедовать их. Оба видения выполняют символическую функцию предсказания хода событий и принадлежат к тому типу, в котором нет прямого общения между тайнозрителем и небесными посланниками: он видит их и слышит их голоса, но к нему не обращаются.

В последующих воинских повестях авторы опираются на оба эти текста, хорошо известные на Руси, о чём говорит уже количество их списков и редакций, сохранившихся донныне. Но видения как жанр в дальнейшем испытывают развитие, что особенно заметно в трёх названных повестях об осадах.

Во-первых, тайнозрителями в них могут быть не только православные люди, но и враги – татары, поляки, турки. Им тоже могут явиться почитаемые православные святые. При этом в «Казанской истории» враги видят их действия, но не слышат их голосов. Так, иноверцам является преп. Сергей Радонежский. Сразу за рассказом о построении Свяжска следует глава «О бывшем звону на мѣсте том и о чудотворном явлении Сергия чудотворца» (392)⁷. В ней говорится о множестве исцелений от иконы Сергия, которые прославляли новый христианский город и поддерживали мужество русских воинов в походе на Казань. Именно сюда, в «новый град Сергия», приходят старейшины горных черемисов, чтобы перейти на сторону московского царя. Они рассказывают, что ещё за пять лет до строительства Свяжска на этом месте часто слышался церковный звон. Посланные юноши услышали «гласы прекрасно поющих яко во время церковнаго пѣнния, а поющих не видеша, единаго же токмо видеша стара каратуна вашего, рекше, калугера, ходяща ту со крестом и на вся страны благословляюще, и кропяща, и с образом яко любующа мѣсто и размѣряюща, идеже поставитися граду. Мѣсто же то все исполнися бла-

гоухания» (394). Посланные юноши пустили стрелы в старца, но те «вверхъ идяху и сходящи с высоты, и сокрушахуся напoлы, падаху на землю» (394). Юноши испугались, убежали прочь и рассказали обо всём правителям. Те подивились и ужаснулись.

У этого видения есть и своеобразное продолжение, тоже в форме видения, в следующей главе: «О волхвех, прорицающих взятие Казани, и о сетовании казанских старейших, и гордении» (396-398). В ней сообщается о том, что не только на месте построения Свияжска было видение, но и в самой Казани «Многажды бо и от велмож нѣцыи сами в полудне видяху и жены их, и дети, играюще, и градние стражие в нощи того же калугера, по стѣнам казанским града ходяща и крестомъ град осѣняюща, и таковою же водою на четыре страны кропяща, но таяху в себе, никому же того повѣдаху...» (396). В этом видении так же, как и в предыдущем, естественно, нет первой части, поскольку даны они иноверцам, но есть испуг тайнозрителей, а во втором случае и сокрытие видения. Появляется во втором видении и ещё один эпизод – вельможи вопрошают волхвов, и те разъясняют смысл видений, но казанцы не верят им и не слушают их советов покориться московскому царю. Объяснения и советы волхвов служат толкованием смысла видения.

«Безмолвны» и видения врагам в Азовской повести. Турки во время вылазок казаков из города видят «мужа храбра и млада в одеже ратной, с одним мечемъ голымъ на бою ходяще, множество бусурманъ побиваше». Автор добавляет: «А наши не видели» (153)⁸. Но при этом казаки понимали, «што дѣло божие, а не рукъ наших: пластаны люди турецкие, а сечены напoлы. Послана на них побѣда с небеси!» (153). Воин, явившийся туркам, – архистратиг Михаил.

В «Сказании» Палицына святые обращаются к врагам и казакам, находившимся на стороне поляков, с упрёками и угрозами. Например, казачий атаман Андрей Болдырь, бывший на стороне литовцев, рассказал о том, как не во сне, а наяву ему и его казакам явилась река, текущая между ними и монастырём, которая несла колоды, бурелом, брёвна, деревья, камни и песок со дна. И явились им «два старца, сѣдинами украшена, яко снѣгом, и кличюща съ града ко всѣмъ...: ”Всѣм вам бѣдным такъ плыти! Что о себѣ не разсудите!”» (256)⁹. Казаки сами истолковали видение так, что это предсказание их гибели. Авраамий поясняет необычную деталь: видение это было не во сне, а наяву, потому что предшествующим сонным видениям «начальники кровопийц» не верили.

Особенно необычно видение в «Казанской истории» врагам не христианского святого, а беса в главе «О бѣсе, творящемъ мечтание пред человеки, живущими во градѣ» (400). Оно помещено в группе прорицаний

казанских жителей о будущей судьбе города. Вначале автор рассказывает о том, что на берегу Камы, в запустевшем городке, жил бес, к которому с просьбами обращались казанцы, принося ему жертвы, и он как будто исцелял их от недугов, если же ему не приносили жертв – убивал таких людей, в том числе погубил нескольких христиан. Через волхвов бес предсказывал события, соблазняя людей, а иногда и лгал.

Царица послала иереев вместе с сеитом, чтобы спросить беса о будущем Казани, и те 9 дней лежали на земле, молясь, а на 10-й день отозвался голос беса, который слышали все люди в мечети. Он сказал, что уходит из этого места, изгнанный Христовою силою, и нет на него надежды у казанцев. После этого из мечети показался дым и вместе с ним вылетел в воздух огненный змей и улетел на запад. Затем следует объяснение видения: «И разумѣвше все бывшее, яко ту исчезе живот ихъ» (400). Это явление демонологического характера, но построено оно по схеме традиционных видений: молитва, явление силы, предвещающей ход событий, удивление свидетелей, заменяющее собой испуг, разъяснение смысла видения.

Необычен и случай пересказа смысла видения, в котором зрительно-слуховые образы отсутствуют. Это видение Ивану IV о месте построения Свияжска: «И абие видить видѣние нѣкое во снѣ, показующе ему мѣсто, гдѣ самъ видѣ и град ту поставити веляше, яко и древле царю Константину, на устрашение казанцем, яко да побегнут от лица его и да малое нѣкое пособие и ограда будетъ украинам русским...» (390). Это видение выполняет сюжетно мотивирующую функцию: оно приводит к построению форпоста русских войск для следующего похода на Казань. Нужно думать, что автор произведения знал о сути видения, но не о его форме, а поскольку видение было дано самодержцу, он не решился придавать ему дополнительные зрительные черты, удовольствовавшись ссылкой на видение императору Константину о построении Царьграда, известное на Руси по повести Нестора Искандера, чем, кстати, подчеркнул и значение видения Ивану Грозному.

Таким образом, в повестях об осадах расширяется круг тайнозрителей: это не только благоверные православные люди, но и враги – иноверцы и предатели, причём, как правило, эти видения явлены не одному человеку, а сразу группе людей. В качестве явленного героя видения появляется и демонологический персонаж.

Вторая особенность, характерная для видений в рассматриваемых памятниках, – это их группировка в композиционно-смысловые блоки, связанные с функциями жанра. Если в «Сказании о Мамаевом побоище» видение святых включено в хронологически последовательное повество-

вание и составляет его часть в качестве символического предсказания событий, то в повестях об осадах цепочки видений включаются в текст зачастую не на своём хронологическом месте и вместо обычной символической начинают выполнять иные функции. В рассказе об осаде Казани помещены сразу три видения, введённые в текст общим вступлением: «Пред взятием же града Казани многа чудеса показа всемилостивый богъ угодники своими, великими апостолы 12-ми и великим чудотворцем Николюю, и преподобнымъ Сергиемъ» (498).

В первом эпизоде тяжело раненный воин перед смертью в «тонком сне» видит, что с востока к 12 апостолам, стоящим в «светѣ на воздухѣ» приходит «муж свѣтел, стар». Апостолы приветствуют Св. Николая, просящего их молиться Христу, чтобы православие воцарилось в Казани, и затем они вместе с ним молятся Богу. Христос не явлен воину – в ответ на молитву святых слышится «глас ... от востока с небеси» (498). Святые благословляют город и исчезают. Воин, «страхом великим одержимъ», передав виденное духовному отцу и воинам, бывшим с ним, умирает. В видении нет толкования, но значение его и так ясно, тем более что узнаёт о нём не только духовный отец тайнозрителя, но и окружающие его воины.

Второе видение Св. Николая представляет иной тип: святой обращается к тайнозрителю – воину, который не сразу верит увиденному во сне: в нём святой, назвав себя, приказывает ему идти к царю и сказать, чтобы тот приступил к Казани в день Покрова Богородицы. Боярин не идёт к царю и никому не рассказывает сна, считая его ложным. И только после второго видения того же святого он сообщает всё самодержцу.

Повторное видение одному и тому же человеку – необычный сюжетный ход, усиливающий значимость эпизода и в то же время несущий на себе определённую психологическую нагрузку, ибо тайнозритель «мняше сон зримое, а не истинное видение, и мечтание помышляше, и умолча, и никому же того повѣда того дня» (500). Эта психологическая деталь оправдана: воин мог не поверить в свою избранность, тем более что видение не только предсказывало будущую победу, но и побуждало к действию, указывая день, в который нужно было начать битву за Казань. Таким образом, если первое видение имело исключительно символическое значение, то второе выполняло и сюжетную роль, приближая действие к развязке.

Видение Сергия помещено вслед за видениями Святителя Николая. Некие благочестивые воины видели себя попавшими в Казань, улицы, площади и дома которой выметал старец в монашеской одежде. Светлые юноши спрашивали у старца: «Како, святой Сергий, самъ сия твориши? Повели убо сия иному измести» (500). Старец же отвечал, что выметет

сам, ибо завтра будет в городе много гостей. После всех этих видений автор, явно забегаая вперёд, говорит, что по взятии Казани от многих её жителей узнали, что они видели святого, ходившего по городу, осеняющего его крестом и метущего. Все видения, бывшие перед взятием Казани, сообщили царю, и он «заповѣда никому же сихъ чудес повѣдати, дондеже на немъ милость божия совершится» (500). Таким образом, приказание о сокрытии видений содержится после того, как рассказано о них всех. Благодаря этому три главы произведения, содержащие видения, оказываются выделены как единое целое общим вступлением и заключением. Главной функцией видений в «Казанской истории» остаётся символическая, но некоторые из них получают сюжетное значение.

В «Сказании» Авраамия Палицына, наряду с одиночными видениями, также соединяются видения, явленные различным тайнозрителям. В начале осады в монастырь пришёл перебежчик от Лисовского казак Иван Рязанец и рассказал о видении, которое было казакам в литовском лагере: «Видѣша бо около града по поясу ходящихъ дву старцовъ – брады седы, светозарны образомъ, яко быти имъ по образу и подобию великимъ чудотворцомъ Сергию и Никону. Един же в руцѣ имѣяше кадилницу злату, а над кадилницею животворящий крестъ и кадяще обитель свою и огражаше честнымъ и животворящимъ крестомъ стѣны града. Другий же имѣяше в руцѣ своей правой кисть, яко кропило, в другой же руцѣ чашу. И кропя святою водою стѣны и прочая вся во обители и поюще своими усты велегласно...» (198). На происхождение деталей облика святых указывали слова рассказчика: образцом описания послужил иконописный подлинник или, возможно, сами иконы. Преподобный Сергей сходно был представлен и в «Казанской истории». Однако видно, что Авраамий прибѣг к большей детализации внешнего облика персонажей, чем автор XVI в.

Речь Сергея, обращённая к казакам, содержит упрёки в выступлении против дома Святой Троицы и обещание Божьей кары. Интересно, что дальше помещён эпизод, сходный с одним из фрагментов «Казанской истории». Как юноши из горных черемисов, увидев Сергея, пытались стрелять в него из луков, но стрелы падали обратно на землю, не причиняя ему вреда, так казаки и литовцы стреляли в святых «из луковъ и из самопаловъ», но стрелы и пульки возвращались назад и ранили многих стрелявших. В ту же ночь Сергей явился и гетману, панам и ротмистрам, в своей речи угрожая им вечными муками и явив знамение, в котором все полки литовские тонули в воде. Смысл этого видения объяснил донской атаман Стефан Епифанец, говоря, что оно обещает гибель литовскому войску. Вместо рассказа о приказании проповедовать или скрыть видение, литовские начальники собирались убить Стефана, говоря, что он

смущает войско, но Стефан с казаками раскаялся в измене и ушёл от литовцев, обещая впредь стоять против иноверцев. Таких развёрнутых картин видений святого множеству различных людей, с речами к каждой их группе, не встречалось до этого в повестях. Примечательно, что этот ряд видений не только символически предсказывает исход осады, но и подчёркивает мысль о постоянной помощи святых покровителей монастырю.

Редкий образец развёрнутого сюжетного видения представляют собой три главы, посвящённые явлению преподобного Сергия пономарю Илинарху. Святой сообщил, что он послал с вестью о бедственном положении монастыря трёх своих учеников в Москву. Но этим видение не заканчивается, сюжет обрастает перипетиями: монахи сначала выясняют у стража, слышал ли он что-либо о посланцах, затем спрашивают у литовцев, которые видели посланцев, об их судьбе, и те дают противоречивые ответы, в конце концов от пленника узнают, что посланным Сергия удалось уйти от преследования, потому что кони под ними были «добрѣ худы, но яко крылаты» (262). Однако этим череда видений не заканчивается.

Некий монах в больнице раздумывает о случившемся и начинает сомневаться в истинности происшедшего, и тогда ему является преподобный Сергий, причём старец сначала принимает его за какого-то человека, отказывается повернуться к нему, чтобы не навредить себе. Только после упрёков Сергия он встаёт здоровым и «позна чудотворца по образу, написанному на иконе» (264). Сергий говорит, что он действительно послал своих гонцов в Москву. А старец, «прост сый», ещё и спрашивает: а на чём послал? И Сергий отвечает: на трёх слепых меринах, которых выгнали из-за бескормицы из монастыря в надолбы. И в заключение видения преподобный предсказывает: «Под стѣнами обители моя всѣх врагов пришедших потреблю, нечисто же во обители сей и двоемыслено живущих погублю и со осквернившимися управлю» (264). Старец до утра со страхом плакал о пререкании со святым, а утром поведал всё братии. Видение старцу имеет все необходимые части, усложнено в сюжетном отношении и содержит множество бытовых деталей. Сочетание же двух видений несёт мысль о поддержке Сергием своей обители и неизбежной каре, наступающей недостойных, наряду с символическим предсказанием исхода осады.

В «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» видения сосредоточены в конце произведения как воспоминание не только о том, что было, но и о том, что бывало неоднократно. Так представлено видение Богородицы казакам. Автор упоминает, что в осаде «имели мы, грешные, постъ в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную». Поэтому «Многие от насъ люди искусные в осаде то видели во

сне, и вне сна, ово жену прекрасну и свѣтлолепну, на воздухе стояще посреди града Азова, ини – мужа древна власы, в светлых ризах, взирающе на полки бусурманския» (152). Муж – святитель Николай – только смотрит на врагов. Богородица, говорит повествователь, «вслух нам многим глаголюще», и приводит пространную речь, объясняющую, что за прегрешения турок против православных Бог дал победу казакам над Азовом. В конце речи Богоматерь обещает: «не поясть вас никой бусурманский мечь. Положите упование на бога, примите венець нетлѣнно от Христа, а души ваши приметъ богъ, имета царствовати со Христом во веки» (152). Все последующие видения служат подтверждением мысли о Божьей помощи казакам.

Туркам, наряду с уже упомянутым видением Архангела Михаила, явлено видение, напоминающее «Сказание о Мамаевом побоище». Об этом видении казаки узнали от пленных турок уже после их бегства от города. В нём врагам явились Борис и Глеб, облик которых напоминает видение Фоме Кацибею: «На небеси, над нашими полки бусурманскими, шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она противъ самага табору нашего. А перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держать мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские. В те поры мы их всех узнали. И тою ночью страшные воеводы азовские во одежде ратной выходили на бой в приступы наши из Азова города. Пластали нас и в збруях наших надвое. От тово-то страшново видения бег пашей турецких и царя крымского с таборов» (153). Интересно, что если в видении «Сказания» святые князья сначала обращаются к врагам с риторическим вопросом-угрозой: «Кто вы повелѣте требити отечество наше, его же намъ господь дарова?» (41), а затем сами расправляются с татарами, то в повести они только угрожают туркам, а расправляются с ними небесные силы, принявшие облик азовских воевод. В этой поздней воинской повести изменилась прежде всего функция видения: оно не предвещает ход событий, а объясняет уже свершившееся бегство турок от крепости. В связи с этим из состава видения выпадает упоминание о страхе тайнозрителей, которое перенесено в отрывок, помещённый раньше и рассказывающий о неожиданном бегстве турок: «А сентября в 26 день в ночи от Азова города турецкие пашы с турки и крымской царь со всеми силами за четыре часа до свету, возмятась окаянные и вострепетась, побѣжали, никем нами гоними» (153). Вполне естественно, что пятый компонент жанровой структуры в этом случае отсутствует. В ту же ночь казакам явились Иоанн Предтеча и Святитель Николай, сообщая о бегстве турок от города. Весь состав видения ограничивается кратким описанием святых и их речью.

Как видим, во всех видениях «Повести об Азове» традиционная структура практически разрушена. Не упомянуты в эпизодах молитвы перед видением; нет конкретного тайнозрителя, он коллективный, как и герой произведения; как правило, ничего не говорится о страхе видящих и проповеди либо сокрытии видения. Только первое из видений выполняет традиционную символическую функцию, предсказывая ход события. Видение Бориса и Глеба врагам служит сюжетной мотивировкой их бегства от Азова, Святитель Николай и Иоанн Предтеча сообщают о свершающемся событии.

Третья особенность видений во всех трёх произведениях – это отмеченная Н. И. Прокофьевым характерная для жанра живописность, выражающаяся в своеобразных портретах являющихся святых¹⁰.

С большинством святых связан мотив света: Св. Николай в «Казанской истории» – «муж свѣтел стар во одежди святительской, великимъ же свѣтом сияя», «... Над градом сияющий велий свѣтъ и во свѣте томъ на воздухѣ 12 апостоль стоящих» (498). Сергей и Никон в «Сказании» Авраамия «светозарны образом», «от лица же его неизреченный свѣтъ сияше, яко огонь паля» (198). В Азовской повести Богородица – «жена прекрасна и свѣтлолепна» (152). Тот же мотив света встречается в описании явления архистратига Михаила: «лице же его, яко свѣтъ, сияше» (202). В рассказе об одной из вылазок защитников монастыря перед их маленьким отрядом видели «воина вооружена, лице же его, яко солнце, конь же под ним яко молния блистаяся» (210).

Определяются являющиеся в видениях святые и по возрасту: Николай, Сергей и Никон – мужи стары, архангел Михаил – муж млад, Борис и Глеб – юноши.

Характерны для портретов святых описания наиболее важных деталей одежды. Для Св. Николая это «риза святительская» или «иерейская» (153), для Сергея – «ветхие ризы чернеческие» (500), для Иоанна Предтечи – «влазняница мохнатая» (153), для архангела Михаила – «одежа ратная» (153).

В портретных описаниях имеют значение и действия, и атрибуты святых: в видении, в котором Сергей и Никон появляются один с кадильницей и крестом, другой с кропилом и чашей, автор замечает, что они ограждали и окропляли свой монастырь, защищая его от врагов. В «Казанской истории» Сергей является разным людям, выметая город. Не случайно преподобный в большинстве эпизодов представлен трудящимся: это соответствует тому облику, который был передан его житием и укоренился в народном сознании.

Итак, облик являющихся святых описан традиционными немногочисленными чертами, главным образом отмечены особенности одежды, отличающие внешний вид персонажей, возраст и общее впечатление от облика.

Таким образом, в воинских повествованиях об осадах видения редко появляются в полном составе, который свойствен самостоятельным произведениям жанра. Наиболее часто они лишены сообщения о предшествующей явлению небесных сил молитве, не всегда содержат толкование и приказание о проповеди или сокрытии видения. Тайнозрителями в них могут выступать как православные люди, так и иноверцы или предатели. По типу видения могут быть разделены на безмолвные, в которых символическим значением обладают действия персонажей, и речевые, в которых персонажи видений либо беседуют между собой, либо обращаются к тайнозрителю. В сравнении с видениями в ранней воинской литературе видения XVI–XVII вв. более развёрнуты за счёт живописных и иногда бытовых деталей. Фрагменты повествований, написанных в этом жанре, тяготеют к группировке, приобретая, помимо символической, сюжетные и идейные функции. Нужно думать, что Н. И. Прокофьев, обратившись для исследования особенностей жанра к видениям Смутного времени, определил именно тот момент, когда жанр достиг наиболее устойчивой композиционной формы в связи с отчётливыми публицистическими задачами. Даже в «Сказании» Авраамия Палицына, содержащем события в ретроспективе, многие видения уже лишены полного набора композиционных элементов, поскольку задача убедить читателей в необходимости определённых действий в нём отсутствует. В «Азовской повести» заметно упрощение и даже разрушение структуры жанра, поскольку в большинстве видений символическая функция заменяется сюжетно-мотивирующей и видения не наделены публицистическим смыслом. История этого жанра в древнерусской литературе в целом должна быть рассмотрена более подробно.

¹ См.: Прокофьев Н. И. 1) «Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в. (Из истории жанров литературы русского средневековья): Дис... канд. филол. наук. – М., 1949. – 320 с.; 2) «Видение» как жанр в древнерусской литературе // Вопросы стиля художественной литературы: Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1964. – Т. 231. – С. 35–56; 3) Символико-аллегорическая образность в литературе начала XVII века // Вопросы русской литературы: Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1966. – Т. 248. – С. 29–44; 4) Образ повествователя в жанре «видений» литературы древней Руси // Очерки по истории русской литературы: Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1967. – Т. 256. – Ч. 1. – С. 36–53.

² Прокофьев Н. И. Образ повествователя в жанре «видений» литературы древней Руси // Очерки по истории русской литературы: Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1967. – Т. 256. – Ч. 1. – С. 37.

³ Символично-аллегорическая образность в литературе начала XVII века // Вопросы русской литературы: Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1966. – Т. 248. – С. 29–44.

⁴ Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // ТОДРЛ. – СПб., 1996. – Т. 49. – С. 141–156.

⁵ Текст цит. по изд.: ПЛДР. XIII век. – М., 1981.

⁶ Текст цит. по изд.: Сказания и повести о Куликовской битве. – Л., 1982.

⁷ Текст «Казанской истории» цит. по изд.: ПЛДР. Середина XVI века. – М., 1985.

⁸ Текст цит. по изд.: ПЛДР. XVII век. Кн. 1. – М., 1988.

⁹ Текст цит. по изд.: ПЛДР. Конец XVI – начало XVII веков. – М., 1987.

¹⁰ См.: Прокофьев Н. И. Символично-аллегорическая образность в литературе начала XVII века // Вопросы русской литературы: Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1966. – Т. 248. – С. 34–40.